

Георгий Артозеев

ВАСЯ КОРОБКО

о родине · подвигах · чести

Георгий Артозеев

ВАСЯ КОРОБКО

Документальная повесть

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1988

ББК 84Ук
А86

Литературная запись
Леонида Горлача

Перевод с украинского
Виктора Максимова

Редактор *С. А. Бабинская*

Артозеев Г. С.

А86 Вася Коробко: Документальная повесть/Пер. с укр. В. П. Максимова. — М.: Воениздат, 1988.— 272 с. — (Библиотека юного патриота).

ISBN 5—203—00097—2

Герой Советского Союза Георгий Артозеев посвятил эту книгу народным мстителям Украины, громившим врага в годы Великой Отечественной войны.

Автор не только лично знал своего юного героя — отважного разведчика и подрывника Василия Коробко, но и прошел с ним многие километры трудных партизанских дорог в лесах Черниговщины.

А $\frac{4702640101-060}{068(02)-88}$ 111—88

Артозеев Георгий Сергеевич

ВАСЯ КОРОБКО

Рецензент *Л. М. Жариков*
Художник *Л. М. Гольдберг*
Художественный редактор *Т. А. Тихомирова*
Технический редактор *С. В. Мазаева*
Корректор *А. В. Хорева*

ИБ № 3281

Сдано в набор 7.01.88. Подписано в печать 27.09.88. Г-20587.
Формат 70×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 8½. Усл. печ. л. 11,9. Усл. кр.-отт. 12,25.
Уч.-изд. л. 12,04. Изд. № 4/3020. Тираж 100 000 экз. Цена 55 к. Зак. 502.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ISBN 5—203—00097—2

ОТ АВТОРА

За годами, как за горами, прячутся люди, события, факты. Память поневоле обволакивается туманом забытья, притушевывает то, чем ты жил, чему радовался и печалился, чем гордился и что старался оставить в себе надолго. Однако на твоем пути встречались и такие люди, которые поселились навсегда в сердце, потому что стали частицей жизни. Именно таким был для меня Вася Коробко. Партизанская легенда. Отважный подрывник и разведчик. Тихий, мечтательный подросток, который просто светился доверием к людям.

Кажется, прищурюсь, постою так в раздумье, распахну глаза, а он и возникнет из беспощадного небытия, встанет предо мной, да и посмотрит на меня своими карими глазами, да и улыбнется тихо-тихо, будто сквозь сон. Глубже надвинет пилотку, чубчик спрячет под нее, плечи расправит, лишь тонко зазвенят патроны на широкой пулеметной ленте, и скажет:

ли ему, неужели друзьям, которые молча застыли на железнодорожном полотне?

Нет, даже ворон не может радоваться гибели тех, кто живет на родной земле, кто встал на ее защиту! Значит, одинокая птица предвещает смерть тем, кто, прикрывшись лесной чащобой, выбирает удобный момент для очередной атаки.

Вася не выдерживает продолжительной паузы. У него давно не было так тяжело на душе — ни тогда, когда он вынужден был терпеть издевательства оккупантов в родном селе, ни в засадах, когда шел вражеский эшелон, казалось, не по рельсам, а по его собственным, туго натянутым нервам.

Рядом никого из своих — только верное оружие, да серое небо, окаймленное зелеными кронами сосен, да истоптанный снег, который уже начал таять у него под коленями и локтями.

О если бы сейчас разверзлась земля и поглотила его врагов!

Вот они ползут, зарываясь в снег, то здесь, то там покачиваются ветви, поскрипывает снег. Они боятся его, единственного из группы прикрытия. Сколько бы их там ни было, но они боятся его!

От этой мысли становится легче на сердце, и Вася, не отрываясь от приклада, кричит:

— Ну чего же вы там, гады, ползаете? Вот я, перед вами! Один! И никого больше! Ну, давайте, проклятые гитлеровцы! Есть еще гостинцы для вас, есть!

Словно не выдержав презрения и насмешек партизана, то здесь, то там поднимаются сгорбленные фигуры и тяжело пробиваются к нему. Он еще миг ждет, а потом нажимает на спусковой крючок. Длинная очередь прошивает тишину, сливается с вражескими очередями. Шумит под пулями встревоженный бор, и уже ничего другого больше нет, кроме этого последнего яростного поединка...

55 к.

